

Женя Хвоя

Здесь живет осень

Женя Хвоя

Здесь живет осень

«Автор»

2026

Хвоя Ж.

Здесь живет осень / Ж. Хвоя — «Автор», 2026

Она приехала на юг, чтобы выйти замуж. А оказалась беглянкой, которую хотят убить. Дворянка с далёкого севера, любимица бабушки и обладательница редкого дара огненной магии. После загадочной смерти отца, её жизнь изменилась. Теперь ей предстоит выйти замуж за человека, которого выбрала семья. Ещё недавно этот брак казался единственным способом сохранить положение рода, но незадолго до свадьбы девушка узнаёт то, что заставляет её бежать. Она уверена: её хотят убить. Хуже всего то, что подозрения ведут прямо к её будущему мужу. Именно его она считает причастным к загадочной смерти своего отца. Оставив прежнюю жизнь и отправившись в неизвестность, она скрывается в заброшенном купеческом доме. Здесь, среди пыльных комнат, старых вещей и следов прежних хозяев, ей предстоит пережить осень, не попасться преследователям и понять, кому в этом чужом для неё городе можно доверять. Но у старого дома есть собственные тайны.

© Хвоя Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как я добегалась до жизни такой	5
Глава 2. Беззаботное лето.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Женя Хвоя

Здесь живет осень

Глава 1. Как я добегалась до жизни такой

Словами не описать всю боль и разочарование от необходимости тормозить, только прилично набрав скорость во время бега. Едва не вписавшись в заднюю половину весьма упитанного стражника, слегка припорошив его останками брусчатки я все же смогла остановиться не об него, а рядом. За это я получила самый презрительный взгляд смотровых щелочек. Глазами это назвать - язык не поворачивается. Его зрительный инструмент - вот, более подходящее определение.

- Барышня, а сегодня в парк нельзя... – проголосил, оценивающе осматривая меня стражник.

- А почему это? - почти в тон ему, но сбиваясь на осипшее дыхание, уточнила я. - Здравствуйте, сударь. - Все же добавила в конце.

- Так убийство там - с любовью разглядывая булку, извлеченную откуда-то, ответили мне.

- Ну тогда выпускайте меня скорее, уважаемый. Я закон нарушать не намерена! - Придав голосу кроткости, но сохранив требовательный оттенок, попросила я, не давая времени на осмысление ситуации.

Охая при каждом движении, стражник потянулся отворить ворота, отыскивая по карманам массивный ключ от такого же массивного замка. Я лишь смела надеяться на то, что все его мысли заняты возвращением к сдобному воплощению его мечты.

Вот неторопливо ключ закрипел в замке, так же неторопливо цепь начала сползать со створки. Я же начала притопывать не в силах устоять спокойно на месте борясь с огромным желанием попытаться перемахнуть через забор. Едва кусок цепи слетел с дверцы, как я сиганула в открывающуюся щель, всунув стражнику в руку завалявшуюся в кармане конфету.

- Спасибо, уважаемый! - Уже с той стороны поблагодарила я, заботливо подтолкнув дверь обратно. Как на зло в тот же момент из-за кустов вылетел мой преследователь. В отличии от меня вовремя заметить стражника он не успел и тем самым влетел на полной скорости.

От неожиданного посягательства на филейную часть стражник вскинул руки, словно решил упорхнуть, как птица. Щёлочки глаз округлились, но несмотря на все сопротивление устоять на ногах он все же не смог. Булка, зажата в руке, оказалась вмятой в землю, а сам стражник будто оплакивая свою потерю, на коленях.

Пред ним ровнехонько как детская кукла приземлился на пятую точку и мой злополучный враг. А может быть, не совсем враг - с этим я ещё не определилась. Но недоброжелатель точно, ведь гнаться за девушкой с топором в руке, желая ей добра, точно не будешь.

- Урселлина!!!

Раскатом грома прозвучало для меня моё имя из его уст и послужило сигналом к мгновенному ускорению и прекращению созерцания данной сцены. Адреналин в крови придал мне скорости и, кажется, выносливости. Так быстро я никогда не бегала.

Уходить от погони по непривычно широким улочкам южной столицы я не рискнула. Бежать в арендованные для меня апартаменты тоже было бы глупо. Поэтому, затерявшись среди переулков, я привалилась к стене, оглашая грязный заброшенный дворик хриплыми, рваными вдохами. Перед глазами плыло и темнело. В голове билась единственная мысль - Куда мне бежать?

Постепенно адреналин отпускал, но накатывала паника. Я сползала вниз по стене не в силах больше стоять на ногах. В ушах стоял только гул собственного сердца. Оно и не удиви-

тельно, благородным девицам вроде меня не пристало бегать как угорелая по улице, так всегда говорила мне матушка и, к счастью для меня, я совершенно не придерживалась ее советов. Сравнить меня с профессиональными бегунами было нельзя, но ходи я степенной фарфоровой статуэткой, как маменька мечтала не сносить бы мне головы сегодня.

Эх, маменька, забери меня обратно. Я домой хочу. Я честно-честно буду хорошей девочкой только забери меня домой. Как же страшно-то. Что ж это делается? На меня, на скромную (ну, не совсем), беззащитную (а вот это уже ближе к правде), из портала да с топором. Так и знала, что не так он прост этот майор.

Дыхание начало выравниваться и глаза стали обретать способность видеть. Взору моему открылась картина весьма удручающая. Покосившийся бревенчато-каменный домишко средних размеров. Ранее он явно принадлежал зажиточному купцу. Даже в столь плохом состоянии выдавал остатки былой красоты и ухоженности. По состоянию двора видно, что давно за ним никто не следит. Лет двадцать точно. Все поросло травой и бурьяном, сквозь разбитую плитку колосится крапива да пырей. Сюда бы руку приложить добрую - авось и стал бы приличным жилищем снова.

С противоположного забора на меня глядели две пары глаз. Одни - хищные, зелёные, с желтизной, с вертикальными зрачками-ниточками. Вторые - черные бусинки с круглым зрачком. По ним было сразу понятно, что явлением моим довольны тут не были.

Рассветное солнце только подчеркивало черноту владельца второй пары глаз, а первому придавало ореол церковной святости: тёплое сияние расходилось вокруг него и растворялось в окружающем мире. И как я только супротив солнца сумела разглядеть глаза этих весьма сиятельных особ ума не приложу.

За время игры в гляделки мое тело пришло в боле-менее приличное состояние, и я даже смогла подняться на ноги. С раздражением заметив, что неприятности не собираются покидать меня, ведь я умудрилась забраться в самое грязное место во всем дворе.

Подол платья до самой поясицы был заляпан грязью. Туфельки хлюпали мерзкой жижей. Утро сентября туманное и промозглое, костяшки пальцев покраснели. От бега прическа развалилась и торчала во все стороны. К людям так точно не стоит выходить решила я. То, что я в пылу побега приняла за продолжение тропы оказалось аккуратно выломанной прорехой в заборе. Таким образом я поневоле оказалась на чужой территории, на которой приличной гражданке находиться не следует.

Помня о том, что скорее всего меня продолжат преследовать и искать, и, не придумав ничего лучше, я пошла исследовать двор и дом. Как смогла я отряхнула себя от комьев грязи и земли. Ботиночки тщательно обтерла листвой, чтобы оставить как можно меньше следов. Но не смотря на все усилия с меня все еще падали отвратительные грязные капельки.

Покосившееся крыльцо хоть и скрипело, но выглядело вполне надежным. Резные перила веранды под крышей, в одном месте изрядно прохудившейся, подгнили, но в остальных местах она оставалась хорошей защитой от дождя и снега, а потому древесина хорошо сохранилась.

Дверь поддавалась не сразу. Сначала я, как приличная девица постучалась. Позвала хозяев. Тихонечко так. Чтоб соседей не всполошить и внимание с улицы не привлекать. Никто на мой зов не вышел (увидь я себя со стороны, тоже бы благоразумно открывать и привечать такую гостью не спешила). Делать мне все равно было нечего, и я дернула дверь второй раз. Она слегка скрипнула и приоткрылась.

Я на самом деле девушка воспитанная, маменька честно старалась. Сам факт того, что я вламываюсь в чужой дом, вызывает у меня чувство, что я веду себя очень и очень неправильно. Правда спрятаться хочется очень. Желательно там, где теплее. Если встречу кого-то, обязательно извинюсь. Ой, надеюсь не придушат меня тут же хозяева.

Заржавели петли. Пришлось приложить немало усилий чтоб тяжёлую, дубовую, слегка распухшую дверь отворить. Протяжный стон металла спугнул какую-то птицу в утренней

тишине громко хлопавшую крыльями, а мои руки заставил трястись. Не думая, я влетела внутрь дома, притворив за собой дверь. Сделала несколько шагов вперед и замерла, осматриваясь.

Стряпная была покрыта пылью - явно ей очень давно никто не пользовался. Печь среди всего этого была единственным оставшимся островком красоты и выделялась светлым, но сдававшим позиции пятном. Сажа от топки тянулась вверх, по старой побелке, напоминая о том, что когда-то её часто разжигали.

Половицы сзади меня слегка скрипнули. Быстро обернувшись на звук, я заметила мелькнувший рыжий хвост. Убежавшее было в пятки сердце возобновило работу, постепенно возвращаясь на законное место. Воздух вырвался из легких протяжным выдохом, а напрягшееся тело обмякло. Похоже, «сосед» зашел поздороваться, да и прошмыгнул в дом вместе со мной.

Ставни в зале со стороны улицы были закрыты и, кажется, некоторые заколочены. У окон первого этажа их и вовсе не осталось почти, просто досками забитые. Со стороны двора, откуда я заходила, картина выглядела куда лучше. Окна были открыты, стекла целы хоть и весьма грязны, а свет проникал внутрь дома. Дверь, что вела в сени, я обошла стороной. Туда мне сейчас точно не нужно. Хоть бы обсохнуть и немного привести себя в порядок. Забитые окна это к лучшему, можно спрятаться. Только не прячется ли тут уже кто-то до меня?

Живот заурчал от голода. Привычный к ранним завтракам, он негодовал: вместо сна в теплой и мягкой постели мы всю ночь где-то шлялись и так и не удосужились его уважить едой вовремя. Значит, время уже перевалило за семь часов. Путешествие по помещению, где готовят, еще больше раззадорило аппетит и напомнило, что я все еще растущий организм.

Доски под моими шагами слегка поскрипывали, но были крепкими. Очень мне не хотелось провалиться куда-нибудь и сломать себе ногу. Значит, крыша осталась целой. Воздух, сухой и слегка затхлый, серебрился вальсом сияющих пылинок, которые танцевали от моих движений в свете тонких лучиков солнца, проникающих сквозь щели в досках.

Диваны были изодраны, из них торчали пружины. На сохранившейся обивке виднелись затяжки и прорехи. Бывший когда-то произведением искусства чайный столик подкосился на одну сторону, резная ножка валялась отломанная рядом.

На стене висели старые деревянные часы. Корпус их напоминал маленькую копию Божьих чертогов. Резные башенки взмывали в небеса, а сам циферблат располагался вместо дверей. Цифр было не видно из-за пыли и паутины. Кажется, там, внутри, у алтаря сидит свой маленький многоглазый жрец.

Рядом обнаружилась спальенка. Дверь в комнату была выломана и валялась на полу. Сундуки вскрыты, обрывки когда-то хороших тканей создавали на полу комнаты истлевающие узоры. Перину и ту растащили по клочкам. Кровать переживала свои самые плохие времена. Кажется ее рубили на дрова, но так и бросили, не завершив начатое. Балдахин грязной тяжелой вуалью накрывал ее, как портрет умершего.

Оставаться в такой комнате не хотелось и я решила осмотреть второй этаж. Лестницу я заприметила ранее. Красивая даже сейчас, с слегка крутыми ступенями. Наверху было три комнаты, одна из которых - ближайшая к лестнице - значительно подверглась разграблению. Следующая дверь никак не желала поддаваться. Была заперта. В третьей же меня ждала удача. Легко отворив дверь, я поняла, что это спальня хозяйской дочки.

Вся комната оказалась нетронутой никем, кроме времени. В зеркале уже нельзя было разглядеть ничего, кроме лишь силуэта. Моё внимание привлекли сундук с добротным замком и красивый платяной шкаф. Взглянув на окна, выходившие в сад, я выдохнула убедившись, что меня никто не увидит. Поросшие грязью и паутиной они надежно скрывали меня от чужих глаз. В самом же доме не было ни единого звука, кроме моих шагов.

Весь дом как будто отражал мою внутреннюю растерянность и при всём этом давал лёгкое ощущение покоя. Исследование его успокоило мысли. Слегка привело меня в чувство.

Я спустилась вниз и устало прижалась к стене у холодной печи. Кажется, так я и задремала.

Глава 2. Беззаботное лето.

- Маменька! Маменька! - Весело стучали каблучки по кленовому паркету. Весело, конечно, это звучало только не для маменьки. Маленькой графине прекрасно известно, что бегать не положено. Да и не маленькой уже - с точки зрения и возраста, и роста, - но бегать все равно очень весело.

«Плыви, словно белый лебедь по водной глади», - каждый раз с укором напоминала маменька. Слуги грустно вздыхали, снова разглядывая царапины на паркете. Иногда я даже снимала туфельки, чтобы не так злить маменьку, но от грязных после игр чулков это не спасало.

- Маменька! - Ма-мень-ка! - Я пронеслась через бальную залу, через гостиную в столовую, где меня уже ждали к обеду. - Смотри! Смотри, какое красивое перо! Это сойкино. Я точно знаю.

Восторг мой никто не оценил. Отец улыбнулся уголками губ, но и только. Взгляд матери не сулил мне ничего хорошего. Правда, на время обеда буря отложится: мать считает, что ругани за столом не место. Мы поговорим позже, дочка, - холодно отчеканила мать и снова расправила и так идеальную салфетку.

За столом необходимо сидеть идеально ровно, да и вообще вести себя очень прилично, а там, за окнами, начался ливень, затарабанил по листьям, клумбам, стеклам. Я, как замороженная, повернулась к окну, глядя, как стена воды смывает духоту и пыль, накопившуюся за неделю жары.

Начало лета выдалось необычайно жарким для нашего региона. Солнечные лучи переливались в кронах деревьев, танцевали и пели, зовя за собой, и я не могла удержаться от шалостей.

Боги не обделили меня красотой, но вот кроткости нрава и терпения мне не досталось. Все ушло на мою сестру. Нирталия - идеал. Непогрешимая. Словно тихое лесное озеро осенью, прекрасная. Речи как ручеек, вздох как шелест листвы, стан, достойный царицы. На ее фоне я, конечно, была - чудовищем.

Говорят, отец мой тоже был тем еще хулиганом, но то отец, он мальчишка и ему можно, а я леди. Хотя какая из меня леди. Вот сестра с самой колыбели являлась маленькой леди, а я - чучело, барабашка, наводящая страх на прислугу. Позор матери.

Зато бабушка меня называла солнышком. Мама отца была добра ко мне и всегда старалась порадовать. Любовь ее выражалась в драгоценностях, куклах и платьях. Безусловно, мне все это нравилось до жути, но, думаю, она все равно расстраивалась каждый раз, когда заставляла меня, махающей палкой словно саблей.

- Завтра он будет, - сказал отец, продолжая прерванный моим появлением разговор.

Я тут же перестала следить за каплями дождя. Любопытство мгновенно вернуло меня в реальность и заставило сосредоточить все свое внимание на разговоре родителей.

- Кто? - тут же выпалила я, вклиниваясь в разговор и вновь нарушая правила приличия. Отец поднял взгляд от своей тарелки и строго посмотрел на меня.

- Гость, - спокойно сообщил он, как будто это хоть что-то объясняло и я и так должна была уже все знать.

- Какой? - не унималась я, продолжая расспрашивать отца.

Мать едва заметно вздохнула. Чувствовалось, что еще немного - и она окончательно отбросит надежду воспитать из меня истинную леди.

- Дочка, ешь спокойно.

Это было совершенно бесполезно. Когда в нашем доме появлялся гость, я хотела знать о нем все. Кто он, откуда, зачем приехал, сколько останется, что любит есть, есть ли у него фамильяр и, главное, о каких необычайных приключениях он мог мне поведать.

- Какой гость? - не собиралась сдаваться я.

Отец посмотрел на мать. Мать - на отца.

Нирталия тихонько улыбнулась в свою тарелку, полностью сохраняя идеальное поведение за столом. Мне всегда казалось, что она наслаждается собственным превосходством. Ее поведение внутренне еще сильнее подстегнуло меня. Несмотря на хорошие отношения с сестрой, мы все равно постоянно соперничали за внимание родителей.

Нирталия улыбается и ничего не говорит, значит, она уже знает больше меня, и я просто не могла это так оставить.

- Южный князь, - наконец ответил отец. В глазах его начали плясать смешинки.

Мои же округлились от удивления. Таких гостей в нашем доме на моей памяти еще не было. Мы жили на севере Великой Империи Дуйнар, объединившей 14 королевств и 5 народов. Чтобы добраться до южной столицы, потребуется не менее двух месяцев.

- Настоящий? - спросила я. Отец на мгновение замер, а после расхохотался в голос, не в силах сдержаться.

- А разве бывают ненастоящие князья?

Я смутилась от слов отца. Конечно, ненастоящих князей не бывает. Несмотря на протяженность империи, взрослые дворяне знают друг друга в лицо, по гербу и чуть ли не по голосу могут узнать. Появись самозванец, его тут же вычислят по манере речи и тому, как он держится. Я, кажется, точно самозванка.

Мать укоризненно посмотрела на отца.

- Не поощряй ее и не подавай дурного примера дочери, - с нажимом сказала она ему.

- Я ничего не поощряю, дорогая моя. - Все еще улыбаясь, ласково ответил ей отец. Их отношениям можно было позавидовать. Несмотря на то, что женились они по расчету своих родителей, чувства между ними вспыхнули с первого взгляда и, судя по отцу, не угасли до сих пор. - Согласись, Маридалия, наша дочь очень забавная.

- Она совершенно невоспитанная, - холодно ответила мать, совершенно не ведаясь на провокации отца.

Я обиженно выпрямилась. Губы сами собой надулись, а глаза предательски зашипало.

- Я не невоспитанная. - К сожалению, прозвучало это не так серьезно, как мне представлялось в моей голове.

- Конечно, - пробормотала тихонько себе под нос Нирталия.

Я повернула голову к ней, чтобы впериться в нее ненавидящим взглядом. Мы сидели рядом, и я отлично расслышала ее слова, а вот родителям точно было не вдомек, что она снова меня задирает.

- А ты молчи, - взвизгнула я, продолжая смотреть на сестру.

- Я и молчу, - холодно и с идеально сыгранным удивлением ответила мне сестра, взглянув на меня в ответ.

Как же ей это удастся? Для родителей сестрица - идеальный ребенок. Только я знаю, какой жестокой и холодной она является в некоторые моменты. Словно она моя полная противоположность. Как огонь и лед.

- Вот и молчи. - Злость моя не унималась, а напряжение за столом нарастало.

- Девочки, - в голосе матери зазвенел металл.

Нирталия кротко опустила взгляд в тарелку и поспешила извиниться. Я, последовав примеру сестры, уткнулась в тарелку тоже и начала активно насаживать еду на вилку, хотя есть мне уже совершенно расхотелось.

Южный князь.

Само это звучало так, будто человек должен был обязательно носить черный плащ, иметь огромный меч и смотреть на всех исподлобья. Говорят, там до сих пор не прекращались военные действия между кланами, даже несмотря на запрет императора.

Разговор между родителями продолжился. Они обсуждали, как лучше его разместить со всей свитой и что подавать на стол. Такие вопросы меня не слишком занимали, и я погрузилась в собственные мысли о мести так подставившей меня сестре. Улучив момент, когда родители были увлечены разговором и не смотрели в нашу сторону, я показала ей язык. Мать тихо кашлянула. Отец снова улыбнулся. На лице сестры не дрогнул ни единый мускул.

Я немедленно спрятала язык обратно. За мои шестнадцать лет родители уже подпрыгивали к причудам собственной дочурки, но это не означало, что я не получу полноценную выволочку от матери после трапезы.

Периодически все же вылавливая важную для меня информацию из разговора, я задумалась. Двадцать пять казалось мне тогда невероятным возрастом. Почти старик. То, что моему собственному отцу было уже прилично за тридцать, меня совершенно не смущало. Отец мне казался молодым, веселым и очень близким.

Я снова посмотрела в окно. Дождь усиливался. Вода стекала по стеклу длинными дорожками, а сад за ним постепенно растворялся в серой пелене.

- А почему он к нам приезжает? - не удержалась я снова.

Отец, кажется, замешкался, раздумывая, стоит ли отвечать на мой вопрос, и в этот момент инициативу перехватила мать.

- По делам, и дела эти, - усиливая давление в голосе, продолжила мать, - совершенно не касаются юных, взбалмошных особ.

Я насупилась. Если взрослый говорит «тебе незачем это знать», это почти всегда означает, что знать как раз очень хочется.

- А долго он будет жить у нас? - я решила не прекращать свои вопросы, все равно ведь уже не избежать наказания.

- Несколько дней. - Спокойно ответил отец. - В это время постарайся вести себя очень хорошо, моя девочка, не нужно позорить нас.

Я оживилась. Кажется, на мои вопросы начали отвечать.

Отец положил вилку. Слуга забрал приборы. С легким хлопком была расправлена газета. Смешные очки из кармана отца переместились ему на нос.

Я хихикнула от схожести отца с кротом из моей детской книжки.

Мама покачала головой.

- Я не понимаю, почему вы оба способны превратить самый простой разговор в балаган, - раздраженно сказала она, подавая слугам сигнал к десерту.

- Потому что дочка у нас родилась любопытная, - ответил отец, не отрывая взгляд от газеты.

- Чрезмерно.

- Любопытство не порок! - вставила я откуда-то услышанную фразу и тут же нарвалась на антикомплимент.

- Не всегда. В твоем случае это именно порок. Однажды твое поведение доведет до греха. На нас и так уже все соседи косо смотрят. Я даже не знаю, как представить тебя ко двору, хотя это нужно было сделать еще год назад. Ты же совершенно не готова к выходу в общество.

Мать посмотрела на меня. Ее глаза прищурились, губы сжались в тонкие ниточки, и я уже знала, что сейчас последует.

- Вести себя соответственно статусу - твой долг! Особенно завтра, - жестко отрезала она.

- Завтра ты будешь, - на слове «будешь» было особенное ударение, - вести себя прилично.

- Я всегда стараюсь вести себя достойно, мама. Только ты этого никогда не замечаешь! - выпалила я с обидой в голосе.

За столом наступила тишина.

Нирталия бросила на меня короткий взгляд, сопровождавшийся едва заметной победной ухмылкой.

Мать медленно поправила и без того идеальную салфетку. Отложила изящную серебряную ложечку на фарфоровое блюдо, не издав при всех этих действиях ни звука.

Ее взгляд поднялся на меня, и всю столовую озарила яркая вспышка, а потом грянул гром. От неожиданного согласия стихии с матушкой я задрожала и не на шутку испугалась.

- Посмотри на меня.

Я посмотрела.

- Завтра прибывает человек, занимающий высокое положение при дворе. Он не просто князь. Он майор императорской армии. Он получил это звание совсем недавно и уже успел отличиться на службе. Ты не должна ни подходить к нему, ни лезть с глупыми расспросами.

- Да, матушка. - Мне ничего не оставалось, как согласиться. Гневить ее дальше было опасно.

До окончания трапезы я не издала ни звука. Обычно все воспитательные меры матушка придерживала до момента, пока мы не оказывались наедине у меня в комнате. Если она устроила мне выговор прямо за столом, значит, все очень плохо.

Несмотря на чувство досады, мне все же было очень интересно, что это за старый майор и почему меня настолько пугают. Когда все встали из-за стола, я поплелась в свою комнату получать заслуженное наказание от матери.

Завалившись на кровать и раскинув руки в стороны, я стала ждать. Ожидание никогда не давалось мне. Мысли скакали одна за другой, никак не желая выстраиваться в ряды. Вот солнечный зайчик мелькнул по потолку. Вот ворона каркнула где-то рядом с открытым окном в мою спальню.

Время шло, а мама все никак не приходила. Неужели на этом все? Подождав еще немного, я уже была уверена, что про меня забыли. Значит, можно заняться чем-то, что действительно интересно.

Я тут же вскочила и побежала переодеваться из платья в более простой и удобный наряд для верховой езды. Настоящие леди, конечно, ездят на лошади прямо в платье, в специальном седле. Кажется, я настоящей леди не была. Чтобы уберечь дорогие наряды, отец все же уговорил маменьку разрешать мне ездить верхом в обычном седле, надевая красивый и удобный брючный костюм, но только когда никто из гостей и соседей этого не видит.

Через четверть часа я уже была в конюшне.

Мою гнедую кобылу я любила больше многих людей. Она была своенравной, горячей и совершенно не признавала никаких правил, чем мы с ней, вероятно, и нравились друг другу.

- Тише, девочка, - прошептала я, поглаживая ее по морде. - Мы только ненадолго.

Кобыла фыркнула.

- Вот именно. Я тоже думаю, что мама слишком много беспокоится.

Седлать ее я научилась давно и теперь делала это так быстро, что конюх даже не успел меня остановить. Он стоял в дверях конюшни и смотрел на меня с выражением человека, который уже понял, что спорить с хозяйской дочкой бессмысленно, но все же попробовал.

- Ваша матушка велела Вам не покидать поместья еще четыре дня назад.

- Я помню, - буркнула я в ответ.

- И наказала мне не давать Вам лошадь.

- Тогда ты ничего не видел.

Я вскочила в седло под осуждающий взгляд молодого конюха. Он тяжело вздохнул и отвернулся.

Обычно я была способна найти приключение даже там, где его нет. Дождь, пока я ждала, успел закончиться, и казалось, солнцем залито абсолютно всё вокруг. Капельки воды сверкали в траве. Птицы радостно щебетали в кронах деревьев. Ласточки поднялись высоко в небо, разрезая его словно синий шелк своими крыльями. Небо было настолько синим, что резало глаза своей яркостью.

В отдалении еще слышались раскаты грома. Грозовые тучи, темные, почти черные, клубились с востока у горизонта. Никак не могли они успокоиться и все поливали и поливали землю плотными струями дождя.

Я посмотрела на стремительно удаляющийся дождь. Вот бы и мне быть грозовой тучей. Грозной и прекрасной. Тогда бы никто не смел мной командовать.

Вспоминая взгляд матери, я снова и снова чувствовала, как накатывает злость. Ну почему она не замечает моих стараний? Никто не замечает. Я ведь прилежно училась и каждый день наряжалась в неудобные платья, чтобы матушка была довольна. Ну что такого, что мне нравится быть живой и любопытной, как маленький зверек?

Уже сидя в седле, я обреченно уронила голову на руки, обхватывая шею своей кобылы.

- Вот скажи мне, Корица, за что они так со мной? - Лошадь фыркнула, словно бы вопрос был риторическим и я самостоятельно должна была знать на него ответ. Ответ мне был неизвестен. Деревенским девчушкам и парням не возбранялось иметь свои собственные интересы и увлечения. Выполнив работу, они могли заниматься чем пожелают. Неужели я хуже простых крестьян, раз мне ничего нельзя?

Я подняла голову. Тряхнула поводья, пуская Корицу в пьянящий галоп. Ветер сдул все мои невеселые мысли. Хлопая тканью блузы, развевая и без того непослушные локоны, грозя превратить остатки аккуратной прически в горящее воронье гнездо.

Мне было любопытно увидеть человека, о котором отец говорил с таким уважением. Майор. Князь. Герой войны. Двадцатипятилетний старик. Я представляла его примерно таким: огромный, суровый, обязательно со шрамом через все лицо и с тяжелым мечом у пояса. И совершенно точно была уверена, что он меня не испугает. В конце концов, я была дочерью графа, а значит, боялась только маменьки.

Лошадь несла меня вперед по дороге в охотничьи угодья. Покинув территорию поместья, я вновь радовалась жизни, совершенно забыв обо всех злоключениях.

Листья блестели, с ветвей падали тяжелые капли, воздух пах мокрой землей и травой. Солнце пробивалось сквозь облака, и все вокруг казалось каким-то новым, будто дождь смыл не только пыль, но и старое лето, оставив после себя чистый мир.

Я знала эту тропу наизусть.

Сюда взрослые почти не заглядывали. Слишком далеко от усадьбы, слишком много корней, оврагов и поваленных деревьев. Для меня же это место было почти вторым домом.

Нашим местом. Моим и Кристара. Он называл его «убежищем». Я - «королевством».

Кристар говорил, что в моем королевстве слишком много кровососущих гадов. Я отвечала, что настоящий рыцарь не боится трудностей. Он утверждал, что настоящий рыцарь не обязан страдать от глупой королевы. Но все равно приходил. Сегодня он уже ждал меня.

Ведя лошадь за поводья по узкой тропе, я заметила круп его черной Мухи. Кристар сидел на поваленном стволе возле нашей старой поляны. Увидев меня, он вскочил, захлопнув книгу, которую читал, дожидаясь меня.

Коротко поклонился.

- Наконец-то, - сказал он, выпрямившись. Его серые глаза улыбались.

- Ты давно здесь? - спросила я его.

- Выехал сразу, как закончился дождь.

Я плюхнулась рядом с местом, где сидел Кристар, и он сел обратно.

Я посмотрела на него.

Кристар поднял глаза к небу, прикрывая их рукой. У него была удивительно добрая улыбка. Немного глуповатая, если он пытался скрыть раздражение, и совершенно открытая, когда он радовался. Мы с детства дружили. Будучи соседями, мы стали близки. Его отец часто вел дела с моим, а мы благодаря этому нередко бывали друг у друга в гостях.

Капля воды сорвалась с потревоженной ветром ветви и упала прямо на нос молодого господина. Он вздрогнул и сморщился. Я рассмеялась. Он тоже улыбнулся.

Я провела рукой по волосам. Благопристойным девицам ни в коем случае нельзя оставаться с мужчиной наедине, если он не является ее мужем. Да и какой из Кристара мужчина? Задавая себе этот вопрос, я все чаще отвечала, что красивый. Сама не заметила, как начала относиться к нему иначе, чем просто к другу и напарнику по играм и приключениям. Щеки мои слегка покраснели, когда я подумала о том, что сижу к нему непозволительно близко.

Кристар тяжело вздохнул. Тряхнул головой. Теребя в пальцах страницы томика имперского права, он сказал:

- Твои родители ничего не говорили о том, что прибудет князь?

Я задумалась. Откуда ему это известно? Князь прибывает к нам и остановится он у нас. Получается, и его отец тоже завтра будет у нас с визитом.

- Не помню такого, - соврала я. Мне хотелось узнать все подробности из его уст, раз уж он что-то знает.

Он покачал головой. Ему было хорошо известно, что меня часто отчитывали за мои проделки и ничего важного мне не доверяли.

Кристар посмотрел на меня. В лесу было непривычно тихо. После дождя птицы словно только начинали приходить в себя, и их трели звучали редко и тихо. Где-то далеко стучал дятел, с листьев падали капли, а ветер шевелил верхушки деревьев.

Я любила наше место именно таким. Здесь никто не говорил, как нужно сидеть. Никто не поправлял мою спину. Не заставлял говорить тише. Не сравнивал меня с Нирталией. Здесь я могла быть собой. С ним.

- А завтра приедет князь? - спросила я. - Откуда?

- Мне сегодня утром рассказали. Отец говорил, что с юга, из Крамка, - он усмехнулся. - Князь, говорят, хороший военный. Отец намекал, что мне стоит у него поучиться и заручиться его поддержкой.

- Зачем? - удивилась я.

- Он планирует отослать меня в Имперскую академию магического управления в этом году. На военную специальность.

- Вот поэтому твоя мать меня пугает, - с грустью ответила я.

- Тебя? Моя матушка? А она-то здесь при чем? - в полном недоумении спросил Кристар.

- Да. Потому что это точно она твоего отца подговорила. Специально. Потому что считает, что я плохо на тебя влияю.

От нервов я отломала тонкий засохший прут и начала ковырять им землю.

Кристар посмотрел на меня.

- А разве она в этом не права? - с абсолютно серьезным выражением лица задал он мне вопрос.

- Да ты... - у меня перехватило дыхание. - Да как ты смеешь! -

Я стукнула его кулаком в плечо, изумляясь такой наглости.

Кристар залился смехом. Я бросилась на него с кулаками, повалив на землю. Когда мы были детьми, мы не раз дрались. Иногда дело доходило даже до синяков. Матушка Кристара каждый раз ругалась с моей из-за того, что он был мною бит. Вот и сейчас я не удержалась от того, чтобы навалить ему тумаков.

Плохо влияю, значит.

Я никак не ожидала, что он окажет мне такое сопротивление. Обхватив меня одной рукой за талию, другой поймав мои руки, он оттолкнулся от земли, легко перекатился и оказался сверху, вминая меня в холодную мокрую траву.

От неожиданности я взвизгнула и забилась, как испуганная птица, словно придавленная лапой огромного кота, хищно смотревшего на свою добычу, самостоятельно сунувшуюся ему в лапы. Кристар только сильнее сжал меня и, склонившись к моему уху, сообщил:

- Попалась, невеличка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.